

Чеховские дни... // Новое русское
слово (Нью-Йорк). 1934.
12 августа. № 7867. С. 8.

ЧЕХОВСКИЕ ДНИ...

Советская печать посвящает покойному писателю прочувственные статьи.

Лейт-мотив всюду один: Вла-» димир Ильич очень высоко ценит и любил Чехова». К сожалению, Иосиф Виссарионович о Чехове определенно не высказался. Поэтому в статьях чувствуется все таки осторожность. А вдруг Чехова надлежит скорей развенчивать, чем возвеличивать? Ничего нельзя знать, ко всему надо быть готовым.

Блестящий пример осторожности дает «Литературный Ленинград»:

— Чехов был замечательным художником, — которого пролетариат возьмет то, что ему нужно взять и оставить то, чем не пожелает воспользоваться. Чехов был замечательным человеком, который пролетариату нужен постолько поскольку каждый рабочий найдет в нем свое близкое, дающее возможность лучше строить социализм. Мы принимаем его наследство, но мы не отказываемся от права пересмотреть его...

Комар носа не подточит. Дель

фийская пифия не сумела бы лучше охарактеризовать Чехова, не имея под рукой точных сведений об отношении к нему тов. Сталина.

* * *

Впрочем, сдержанность заметна не всюду.

В «Литературной Газете» М. Левидов предается мечтам на тему: как жаль, как обидно, что Чехов не дожид до наших дней.

Этот лирический пассаж так прекрасен и трогателен, что хочется привести его целиком:

«Думая о Чехове, о человеке-красавце, каждый вершок в котором был человеческим в лучшем смысле этого слова, как не подумать: а если бы дожид!»

Что-ж, семьдесят четыре года всего было бы. Мог бы дожить. Сохранив свой талант, ясность мысли, радость жизни.

И вот представим. Чехов — и реализуемое прекрасное человеческое дело: строительство нового мира. Чехов — и торжество разумной человеческой воли над стихией собственнической психики, над стихией слепой природы. Чехов — и на слом идущие бездарные, скучные, тусклые города. Чехов — и освобожденная женщина. Чехов — и челяускинская эпопея. И он сказал бы, покашливая, своим глухим, конфузющимся баском: «Послушайте, это же-ж чудесно!»

Мог бы дожить...

Не хочется быть сентиментальным, но клубок поднимается к горлу».

* * *

Несколько блесток ума и пера из юбилейных статей:

— Чехов подавил в себе бунтаря, предпочтя заменить его профилем деликатного страдальца...

— У него перед глазами танцовали маленькие клопы, которых он наделил человеческими именами...

— Природа империализма раскрыта им несколько — односторонне...

— Наш теперешний полноправный и сконцентрированный герой не возьмет Чехова в фундамент своей постройки, но повесит его над рабочим столом, как базепорного классика, о ком не бесполезно вспомнить для учебы...